

Алексей ТОЛСТОЙ

## СЛАВЯНЕ, К ОРУЖИЮ!

Близятся те месяцы, те недели, те дни, когда непрекращающаяся битва на советском фронте достигнет предельного напряжения: предполагаемое весеннее наступление Гитлера, его последняя ставка, которой он хочет гальванизировать, встряхнуть изнемогающую Германию, должно превратиться в окончательный разгром трехсот германских, итальянских, румынских, венгерских и финских дивизий.

Такова ближайшая задача Красной Армии, такова воля главнокомандующего — Сталина: смертельное поражение и дезорганизация армий фашистской оси весной и летом 1942 года.

Красная Армия обладает всеми данными для выполнения этой задачи. Первое: боевой состав молодых генералов и командиров, которые прошли суровую школу девятимесячной войны, — отступления с упорными боями, обороны на рубежах, за которые враг не должен был переступить, и, наконец, мощного контрнаступления; они хорошо изучили тактику немцев и теперь навязывают немцам свою, советскую тактику. Второе: высокий нравственный дух Красной Армии, выражающийся в воле к победе и к свободе всей нашей страны, где из края в край, бесконечно, день и ночь стучат молоты по наковальням; героические древние сказания вновь стали былью наших дней: триста спартанцев умерли под Фермопилами, поразив страхом полчища персов, — двадцать тысяч русских гвардейцев остановили полностью фашистских танков и умерли, сжимая и поражая их, бросаая со связками гранат под гусеницы, и не пропустив их к Москве. Летчики Красной Армии устремляются в бой при всех случаях, даже когда завидят в небе высшего противника, — их гонят в бой русская удаля и смелый расчет — всегда нападать, всегда вырывать инициативу у противника. Разведчики и парашютисты, проникая во вражеские тылы, врываются в одиночку или сам-друг в доты, блиндажи, укрепленные дома, и столь страшна немцам холодная ярость русских, столь страшны рукопашные схватки, что дневники и письма немецких солдат полны ужаса к снежной России,

где смерть всюду и всегда, — смерть не знает отдыха. Наша артиллерия — несравнимо лучше немецкой по меткости стрельбы и суровой стойкости артиллеристов. Сталь наших танков выдерживает вражеские бронебойные снаряды, и наши танкисты врываются в укрепленные немцами городки и деревни, как слоны сквозь бурелом. Наша кавалерия, в мохнатых бурках, в башлыках, развевающихся за плечами, смело гуляет по вражеским тылам, и горе тем фашистским батальонам, которые подвернутся ей под клинок. Красноармейцы когда-то — летом и осенью — называли немца немцем, теперь, сплевывая, зовут просто францем, чьи мерзлые ноги и руки во множестве торчат из сугробов; фашистские психические атаки подпускаются нашими частями вплотную, как бы ни были пьяны гитлеровские молодчики, казним бы диким ревом ни раздирали мотки, под треск автоматов, упертых в бедро. Ни сорокатиградусные морозы, ни переходы в снегах по груди, ни хитро укрепленные врагом населенные места, где поля вокрут устланы минами, каждый дом превращен в крепость, где надолбы, рвы, доты, высокие ледяные валы, — не останавливают Красную Армию, — она идет на запад, жмет, давит, прогрызает немецкую оборону.

Третье условие нашей победы: законченный процесс переноса оборонных заводов с запада на восток и пуск их на полную мощность. Если разгром немцев под Москвой называется чудом Красной Армии, то переброска в немислимо кратчайшие сроки гигантских заводов за сотни и тысячи километров — чудо, совершенное волей народа. Заводы с десятками тысяч рабочих, с преобладающим числом девушек и женщин, в десять дней, в две недели перебрасывались на колесах в глубокий тыл, и через полтора два месяца из ворот их выезжали танки, платформы с орудиями, грузовики со снарядами, выкатывались самолеты.

Четвертое условие: нарастание мощи Красной Армии за счет огромных резервов, приобретенного опыта и подема нравственной силы и в то же время снижение боевой мощи немецкой армии. По-

мимо чудовищных материальных потерь немцы за последние 9 месяцев войны потеряли наиболее боееспособные, распропагандированные кадры гитлеровской молодежи и принуждены разбавлять перченый фашистский суп теплой водичкой, вливая в армию немца средних лет, который одной половиной души вздыхает о мирной гитлеровской жизни, а другой половиной обмирает от весьма фантастического и ничего доброго не сулящего гитлеровского настоящего. Это и есть вздыхающий фриц, который пишет жене в Берлине об адских ужасах русской зимы и ищет случая сдаться в плен.

Пятое условие: неуклонно растущая свежая наземная и воздушная армия Англии; переход всей британской промышленности Соединенных Штатов Америки на боевую продукцию и рост вооруженных сил Соединенных Штатов. Эта реальная помощь должна действительно подкрепить наступление Красной Армии именно этой весной и летом.

И, наконец, партизанское движение в тылу у немцев. Авантюристская гитлеровская стратегия не учла очень многого — стойкости Англии, неизбежности тройственного военного Союза — СССР, Англии и США, не учла того, что в ответ на бесчеловечную тотальную войну народы Европы и Советской России ответят гибельной, невыносимой, как жаленье миллиардов разъяренных пчел, страшной, как неизлечимая болезнь, неотвратимой, как стихия, народной войной.

У монголов Чингиз-Хана был обычай: кинувшись на плечи врага, ломать ему хребет. Миллионы и миллионы пораженных фашизмом людей, у кого сердце от ненависти стало горящим углем, должны со всей решимостью кинуться с тыла на плечи Германии. Миру известно, какую героическую борьбу ведут партизаны Польши, Сербии, Черногории, непримирившейся Чехии, Греции, растерзанной Франции, Бельгии, Голландии, суровой и гордой Норвегии, умирающей от голода, проданной и преданной Финляндии. Под ударами югославских повстанцев гибнут целые дивизии оккупантов. Никогда! Лучшее смерть, никогда славянин не подставит шею под германское ярмо! Во всех оккупированных Германией странах — то тут, то там — взрываются заводы, склады боеприпасов, поезды валятся под откос, саботажем и упорным сопротивлением насыщенных заводов, выполняющих заказы ненавистных оккупантов, пропаганду ненависти не устают сеять сотни подполь-

ных газет в Польше... Еще шире, еще страшнее и беспощаднее разлилось партизанское восстание в захваченных врагом областях Советской России. Там ни днем, ни ночью ни один фашист не может быть спокоен за свою жизнь. Каждый лес, каждый овраг, поворот дороги — смертешен. Как тени, советские партизаны пробираются в оккупированные города, — и летит на воздух склад боеприпасов или веселый ужин офицеров превращается в пиршество смерти.

Ближайшая задача: согласовать всеобщий подъем партизанских восстаний с наступательными ударами Красной Армии. Напряжением борьбы против оккупантов должна ответить Европа, и в первую голову славяне, на прохот весенней битвы, в которой затрепещет становой хребет гитлеровской армии и в сердце ее войдет до самого ствола красноармейский штык.

Триста фашистских дивизий должны быть взяты в гигантские клещи с фронта и с тыла. Вся Европа, все славянские страны должны стать единым лагерем партизан. От чести участвовать в разгроме гитлеровской Германии никто не должен уклониться, — один взрывает железнодорожный мост, другой бросает горсть песка в машину. Каждый, кому дорога свобода, каждый, кто больше жизни любит родной дым родного очага, — должен нанести удар. Человек, подставляющий спину под бич победителя, презретен, а в наши дни, когда решается судьба всего славянского мира, человек, покорно сносящий удары бича, — предатель.

Слишком долго затянулась черная ночь над Европой. Слишком долго верили в сказку о непобедимости немцев. Размазавшаяся, клякшаяся, ротавая маска фашистского бога войны уже сорвана красноармейцем с гитлеровского солдата. Под ней — задыхающееся от изнеможения, испитое от лишений, перекошенное страхом перед надвигающейся гибелью — обыкновенное лицо немецкого обывателя. Он хочет кончать войну. Нервы его истерпаны, как струны разбитой гитары, — на них он больше не может играть победный марш.

А молодчики Гитлера, — спросите вы, — механизированные, вышколенные варвары, ринувшиеся на танках, самолетах, грузовиках завоевывать мир для королей германской индустрии и для своего фюрера, обещавшего своим преторианцам целый мир для грабежа и варварских потворных развлечений, — где эти непобедимые

воины? Пересчитайте миллионы сосновых крестов в лесах, болотах и равнинах России. Там лежит отборная гвардия Гитлера.

1942 год должен стать рубежом для новой эры свободы народов, населяющих прекрасную старую землю под старым прекрасным солнцем. Славяне, соединенные для общей великой исторической задачи — освобождения от германско-фашистского ига, своими руками очистят от векового мусора родные земли и засеют их — никем уже более, отныне и до века, не попираемой — национальной культурой.

Триста лет и более немецкая историография пыталась доказывать, что славянство — низшая раса, пригодная лишь для удобрения германской культуры. Завершением этой заведомой лжи, которую так упорно, с установкой на дальний прицел, сеяли немецкие профессора, была «Моя борьба» Гитлера и триста фашистских дивизий — с моральным и культурным уровнем пещерного человека.

Славяне! Под грохот мировой войны мы должны пересмотреть всю историю славянства. Мы строили цивилизацию Европы в равной степени, как и другие народы. Своей молодой кровью мы оплодотворили для жизни на целое тысячелетие дряхлую Византию; славянство не захотело разрушать ее, как германцы разрушили Рим до основания; Византия уберегла и передала феодальной Европе античную культуру благодаря славянству. Трудолюбивые и свободолюбивые, любящие мир и культуру славянские народы стояли на рубеже — со стороны востока — кочевых империй Азии с их фантастическими замыслами завоевания мира, со стороны запада — столь же бесчестно грандиозных попыток средневековых императоров. Эти обе агрессии — восточная и западная — разбивались о стойкий и мужественный славянский мир. Еще не оценена роль славянства в создании гуманитарной культуры Европы.

Славяне, богаты, миролюбивы, талантливы, славянская душа. Но не тронь ее. В самых тяжелых испытаниях подчеркнет она не покорность и уныние, а ярость борьбы и упорство и лишь умножит силы свои. Она с восторгом примет смерть, если смерть ведет родичу к победе и свободе.

Славяне! К оружию, к многообразно согласованной, беспощадной борьбе. Силой урагана пусть поднимется справедливый гнев наш.